

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Николай Еремин
(г. Красноярск)

PERSONALIA:
СЛАДКИЕ ЖЕЛАНИЯ

Наш постоянный автор.

МОЛВА ПРАВА

Откуда музыка берется?
Из слов! — Как солнце из колодца,
Где звездный холод и вода...
Едва глотнешь — вот это да! —
И музыка звучит уже
В ведре, и в небе, и в душе...
И вновь — стихи о звездной круговерти...
О горькой жизни и о сладкой смерти...
О вере и неверии, увы,
Во все, что — В — и выше головы...

БУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

О, задушевность Бунинских стихов...
И поэтичность Бунинских рассказов...
Свят свет в глазах невест и женихов —
Как будто бриллиантов и алмазов —
Когда они, возникнув по весне,
Читают их себе — как будто мне...

ПОЭТ БАСЕ

— Что жизнь?
Борьба и передел...
Что смерть?
Судьба и беспредел...
А я, —
Вздыхнул поэт Басе, —
Как человек —
И то, и се...

* * *

Жизнь жалила пчелой — и умирала...
Но, воплощаясь в новую пчелу,
В медовый луг, не много и не мало,
Влетала... Понимаю, почему,
Любитель меда, как никто другой,—
Средь майских пчел
Над лугом и рекой...

* * *

Передо мной — река забвенья Лета,
Увы, сверкает солнцем на мели...
Займите мне частичку интеллекта,
Премудрые читатели мои!
На берег тот я с завистью гляжу...
Не зная брода, к вам перехожу...
Ах, по колена мне вода...
По грудь...
Эх, как бы к вам доплыть? —
Не потонуть...

* * *

Как хочется свободным стать — в бездонном
Космическом пространстве меж людьми!
Но что — свобода, там, увы, без дома,
Без Музы, ожидающей любви?

ГОРОСКОП

Я — по звездам Лев —
Гороскоп, ты прав! —
Смел, как Лев, взрослев,
Рос, всегда неправ,
Жизнью лжизнь поправ...
Но, смиряя нрав,
Оказался прав!
Львы всегда правы!
А не львы —
Увы...

* * *

Куры спят и петухи...
Я читаю до рассвета
Деревенские стихи
Неизвестного поэта...
Тишина... В душе — покой...
Зов кукушки за рекой...

ЩЕДЕВРЫ МАРТОБРЯ

Еремин Рыжкову:

— Люблю любовь в начале марта,
Когда весенние коты —
Полны веселья и азарта —
Всю ночь орут из темноты...
А ты?

Рыжков Еремину:

— Едва стемнеет за окошком,
Влеком извечною судьбой,
Мой кот уйти стремится к кошкам,
Как в юности и мы с тобой...

Еремин Рыжкову:

— Как будто в кошках есть покой...

* * *

Кто за меня вырастит эти цветы?
Кто за меня напишет эти стихи?
Кто за меня проживет ради них лет сто?
Если не я — то, сам понимаю, никто!

* * *

— Я вас услышал! —
Сказал глухой.
— Ну, что ж,
Посмотрим! —
Сказал слепой.

* * *

Я жизнь проспал в руинах Рима...
...Как будто ночь — неповторима —
В меня и в звезды влюблена
Была без памяти она...
О, историческая ночь! —
Моя Космическая дочь...
Я в Лувре был...Я в Лавре был...
Я ничего там не забыл...
Но вновь, как грешника на суд,
Они меня к себе зовут...

* * *

Боже, как сердце стучится...
И на свободу стремится,
Чтобы тебе поклониться
И за меня помолиться...
Снова и снова —
Слово за слово...

* * *

До чего ж это было давно!
Сто снегов и сто трав полегли...
Неужели мне было дано
И любить, и писать о любви?
Выцветают чернила дотла...
И страницы пылят, словно тля...
В синем небе клубится зола...
Но, как прежде, кружится земля...
До чего ж это было давно...
Позабылись — лицо и слова ...
Все равно ты жива! Все равно
Ты жива... Все равно ты жива...

* * *

Вновь ко мне по велению весны
Возвращаются нежные чувства —
И сбываются Вещие сны,
Превращаясь в предметы искусства...
Где опять влюблены: я — в капель...
Март — в гуашь... А апрель — в акварель...

ЧЕМПИОНАТ

Шахматисты — графоманы!
Удивительные типы...
Все гамбиты их — обманы,
Штампы и стереотипы...
А в игре, сомненья нет,
Побеждает лишь Поэт,
Нестандартный Чемпион
Мира, да и всех времен...

АФОРИЗМ

— Актер в России больше, чем поэт!
Артисту в ней альтернативы нет.
Актером быть — внушая перемены,
Играть, меняя знаки Зодиака,
Чтобы сойти... Или упасть со сцены —
И навсегда поэтом стать?
Однако...

АКСИОМА

— Воду в ступе толочь —
Символ жизни семейной! —
Съязвить был он не прочь
Мне с улыбкой елейной...
И добавил: — Ха-ха!
Я ж толку — без греха —

Водку в ступе — чудака,
Как любой холостяк!

* * *

Забыл — и вспомнил... Вспомнил — и забыл,
Как я тебя внезапно полюбил...
Как водку пил... И одиноким был...
И чуть было себя не погубил...
И вдруг спасли меня — не зная брода —
Поэзия любви
И продолженья рода...

* * *

Я жил — как будто был во сне —
С температурой, весь в огне...
Несчастливая любовь — во мне...
Счастливая любовь — в окне,
К весне, к березам и к луне,
И к музыке, увы, извне,
В ночной кромешной тишине
Императив: Приди ко мне!
Весна — и вдруг, скажи на милость,
Во мне и вне все изменилось!
И в зеркале — счастливый вид,
И в сердце музыка звучит...
И — стихотворный — мой — в ответ —
Выздоровленья
Страстный бред...

ТОСТ

Тост новогодний
Прост:
— Господа!
Лучше —
Сегодня,
Чем никогда!

* * *

И за что ты был обижен на судьбу
И себя? Да ни за что, а просто так...
И в молчанье прикусил себе губу,
Потому что упрекали все: — Чудака!
Обижает... — И смеялись каждый раз:
— Воду возят на обиженных у нас!

Литературная пародия

В ГОД БЫКА

*Мне в стаде коров интересней,
Чем с глупым мужем.*

Е.А.М.

Вот и я был
Таков и сяков:
Интересней мне — в стаде коров!
Потому что была не одна
И в меня, и в быка
Влюблена...
Жаль, что мне —
То одна, то друга —
Как быку наставляла рога...
И теперь у меня надо лбом —
Частокол,
При раскладе любом...
Глупый муж,
Я отъездил верхом —
Быть прискучило мне пастухом...
В Год Быка становлюсь я умней
Вдалеке от коров
И коней...

ВИНОГРАДНАЯ ЗАВЯЗЬ

С виноградом та же песня...

Александр Росин

* * *

— Завязался виноград...
Я — в завязке... Но я рад:
Будет в градинах вино!
Да таким, что не грешно
Всем — на празднике — опять
По глоточку — развязать...
Стать веселым и хмельным,
И влюбленно-молодым:
— Ну? За счастье!
По чуть-чуть!
На Том свете не дадут...

* * *

— Ну же... Обними же! —
...Море
Под горой
До сих пор — все ближе —
Вижу, Ангел мой,
Солнышко, я вижу:
Ближе —

Ты и я...
Ну же,
Полетим же
В дальние края! —
Ну, летим?
— Летим...
Как прекрасен Крым!

* * *

Герой
Всегда самоубийца.
Вокруг — восторженные лица
Недаром, видно по всему,
Поют
Бессмертие ему...
О, неземная благодать
Петь так,
Что слов не разобрать...

ХОР И СОЛО

— Мы все — за одного!
Ты не один...
Не трусь!
Не бойся ничего!
— Да я...
И не боюсь...

ПО ХОЛМАМ

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...*

Николай Рубцов

*Ты поскачешь во мраке по
бескрайним холодным холмам...*

Иосиф Бродский

Рубцов — за Бродским...
Бродский — за Рубцовым...
Скакали по холмам за новым словом...
Не ведомо, кто —
Бродский ли
Рубцов —
Всех дальше проскакал, в конце концов...
В округе до сих пор — холмы, холмы —
Безмолвные — от лета до зимы...
А впереди — изгнаний миражи —
Увы,
Воспоминания свежи...
Где — тут ли, там, —

Прервав крутой маршрут,
Поэты лишь в бессмертии живут...

* * *

Неужели я умру?
Неужели станет прахом
Все, что в сердце на ветру
Страстно билось под рубахой?
Мерз во льдах... Горел в огне...
Был мечтой и делом занят...
Неужели — что во мне
И вовне, — бесследно канет?
...Все мне было по плечу!
Сердце, ты об том знаешь.
Даже думать не хочу,
Что стареешь,
Угасаешь...

* * *

Поэты — дети капитана Гранта —
Романтики случайного таланта,
Бредут по свету в поисках отца...

Увы и ах, дороге нет конца...
Вдоль берега, вокруг семи морей —
Обломки всех погибших кораблей...

СОВЕТ ПОЭТА

Александру Матвеевичу

Совет поэта больше, чем совет!
Сонет поэта больше, чем сонет!
Особенно
В былой стране Советов,
Которой нынче, слава Богу, нет...
А помнишь,
По дороге на Тот свет
Тебя гнобили критики, поэт,
Среди пустых вопросов без ответов...
Но ты напрасных не давал советов...
Поскольку был всегда —
Поэт-пророк,
А твой антисонетчикам упрек,
Пророчеством был
Средь иных сонетов...

Эдуард Побужанский
(г. Москва)

АГЕНТ НЕБА
стихи из новой книги

Эдуард Георгиевич Побужанский родился в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провел в г. Единцы на севере Молдавии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (мастерская Юрия Кузнецова). Автор пяти поэтических книг. Стихи публиковались во многих журналах, были переведены на румынский, украинский, чешский, армянский и английский языки. Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор поэтического издательства «Образ».

ПОЭТ

Хомо поетикус выйдет из дома —
Так, как выходят наружу из комы:
Морщась от шума и щурясь от света,
Не узнавая ни лиц, ни предметов.

Хомо поетикус выйдет за небом —
Так, как выходят за водкой и хлебом.
Выйдет вдохнуть этой выси и сини...
Впрочем, и водки купить в магазине.
Сколько в поэте поденного флуда?
Если брать брутто, немало, как будто,
Но остается же главное — нетто,
Что нашептал ему призрачный Некто.

СТАРУХА

А кошки эти — семья старушья:
Семь во дворе да в квартире три.
Но даже те, кто живет снаружи,
У нее, у старой, — тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плоски
То супу нальет, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской ее рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки,— будто на каждой пуд!),
А все выходила к родне кошачьей —
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,
Кошки в округе всей
Голосили.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Свой век мотаю от и до,
От Грина до Довлатова,
И можно выйти по УДО —
Но лишь в окно с девятого.

А у рабочего стола
Стоит герой лирический,
Ему что стопка, что стопа —
Вставляет неямбически.

Он, может, ангел во плоти,
Да смотрит чертом вражеским.
Прости, я занят до пяти,
А после — покуражиться!

РАЗГОВОР

Я начал разговаривать с котом.
И с радио. А что потом, Алиса*?
Покрыться мхом и снулым стариком
Поглядывать в окно с тоскою кислой?

Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как ближний бой —
На расстоянье вытянутой правды.

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

ПУГОВИЦЫ

«Вы, русские, всегда все усложняете, —
вдохнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. —
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?»

* Алиса — голосовой помощник Яндекс.а.

Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!...»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда я приезжал на лето
к бабушке,
то любил перебирать
разноцветные пуговицы
в жестяной коробке.
Перламутровые, деревянные, стальные,
разных форм и цветов —
они казались мне настоящим
сокровищем!
Я даже хотел стащить одну —
желтую пуговицу со звездой, —
чтобы выменять ее
на рогатку...
А когда мы с дружкой Сашкой
убегали на озеро,
то возвращались домой
только под вечер,
когда июньское солнце
закатывалось за горизонт,
словно большая
красная пуговица.

ПОДЛОДКА

Когда я остался один,
Бедой захлебнувшись, как водкой,
Твой дом из кромешных глубин
Поднялся подводною лодкой.

Тяжелые воды беды
Затянуты тиной черной,
И я, как буюк, из воды —
Торчал головою никчемной.

Но был я внезапно спасен
И выжил в твоей субмарине,
Где были и сон, и Бессон,
И даже немного мартини.

ЗВОНОК

Каждый недавно умерший
получает право
на один короткий звонок —
чтобы только сказать,
что с ним все в порядке.

Обычно звонят детям,
реже — родителям,
звонят мужьям и женам
(иногда даже бывшим!),
и почти никто
не звонит
на работу,
в церковь,
в больницу,
в собес.
Никто не звонит
на прямую линию с президентом
или экстрасенсу
из известного телепроекта.
Говорят, таких номеров
даже нет в телефонной книге.
Есть только эти:
мама, папа,
сын, дочь,
любимый,
любимая...

МОЛЬБА

Как низко сегодня небо!
Как близко оно от земли!
Боже, прими мою потребу —
Век мамы моей продли!

Я сыном хорошим не был,
Живя от нее вдали.
Боже, прими мою потребу —
Печали ее утоли!
В груди моей слабой жженье,
Такое — хоть грудь разорви!
Но держит меня притяженье
Твоей и ее любви!
Растет надо мною небо,
Восходит дыханьем земли!
Боже, что хочешь требуй —
Лишь век моей мамы продли!

ВРЕМЯ

В ресторане «Тануки»
я держу в руке хаси
(палочки для еды),
словно тонкие
белые стрелки
часов-невидимки,
словно время само
у меня в кулаке.

Смешно.
Я даже не знаю,
во сколько сегодня
вернусь домой.

КАРАНДАШИ

Бог выдает старикам
цветные карандаши,
и они, словно дети,
с азартом начинают
заново раскрашивать
контурные рисунки
памяти зыбкой.
Как быстро
стачиваются карандаши!
Особенно желтый,
зеленый и синий.
А черный лежит нетронутый,
острый, как факт.

СТАРОРОДЯЩАЯ

Пусть говорят «старородящая»,
Но ты-то знаешь: в сорок три
Одно лишь важно — настоящее,
Оно бьет ножкой изнутри.

Неважно, женится не женится
И как ты до того жила,
Сейчас ты женщина-роженица,
А значит, богова жена.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ*

Родился в 1954 году в г. Скопине Рязанской области. С 1960 года живет в Туле. Окончил Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Дважды лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова 2013 и 2014 гг. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преодоление» 2020 г. в жанре гражданской лирики. Член Союза писателей-переводчиков при СП России. Член редколлегии журнала «Приокские зори», в котором с 2009 по 2018 гг. руководил отделом поэзии.

МАЙОРДОМ**

Он на войско врага
исподлобья смотрел...
Звался именем *Карл*,
по прозванию — *Мартелл*.

Он не молод, не стар,
не добряк, не палач,
Но в делах государственных
тертый калач.

Правил мудро во всем.
Не король. *Майордом****.
Это сын его будет
монархом потом****.

Императором станет
прославленный внук*****
И замкнет *Каролинг*
блистательный круг.

* Рабочее название «Карл Мартелл».

** **Майордом** или палатный мэр, — старший сановник дворца времен франкских королей из династии Меровингов. В связи с ослаблением королевской власти в середине VII века эта должность начинает приобретать особенную силу.

*** **Карл Мартелл** (23 августа 688 — 22 октября 741) — майордом Франкского государства в 717—741 годах из рода Пипинидов, вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье.

**** **Пипин Короткий** (714—768) — майордом франков в 741—751 годах, а затем первый король франков из династии Каролингов.

***** **Карл Великий** (742—814) — король франков с 768 года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года.

А Мартеллу корона
не больно нужна:
Он и так при делах,
и работа видна.

Не до спеси ему
и дворцовых интриг.
Пусть на троне пока
посидит *Меровинг*.

Бог с ним, с троном! Досуг ли?
Забот полон рот:
Не скудела б казна,
не роптал бы народ...

Нужно строить дороги,
крепить рубежи,
Чтобы враг не добрался
до мирной межи...

Саксам дерзостным — кара!
В их помыслах мрак,
И, безумцы, Христа
не приемлют никак...

Да... и с церковью...
ох, не простые дела...
Что-то много земель
под себя загребла.

А чтоб верной осталась
надежная рать,
Надо воинов храбрых
землей поощрять...*

Из осколков страна...
А попробуй-ка, склей,
Если столько вокруг
развелось королей!

Каждый выскочка жаждет
корону надеть
И уделом своим
самочинно владеть.

Что ни герцог — в мечтах
непреренно король.
А душою холоп!
И презренная моль!

* Карл Мартелл проводил политику **секуляризации** (изъятия) церковных земель для передачи светским лицам.

Собралась этой моли
великая рать,
И устал майордом
их измены прощать.

Отвернешься — откуда
и наглость, и прыть!
А за горло возьмешь —
так давай лебезить,

Чтоб избегнуть петли
или просто оков...
Вот такая обыденность
*темных веков!**

Лучше искренний враг,
чем вассал-лицемер.
*Аквитанского Эда***
наглядный пример.

Этот прямо сказал:
«Я Мартеллу не друг!»
И случилась война.
Но случилась не вдруг!

Эду свойственно честь
с благородством беречь:
Из меча и кинжала
он выберет меч.

И хоть бит он не раз,
принужденный бежать,
Но такого врага
можно лишь уважать.

ЭД АКВИТАНСКИЙ

Да такой ли уж враг?
Это не навсегда.
Вот надвинулась с юга
на земли беда.

И молитвой ее
не прогонишь ты прочь:
Навалилась скалой
*омейядская мощь****.

* **Темные века** — историографический термин, подразумевающий период европейской истории с VI по X века. Характерной чертой этого времени называют отставание западного региона от Византии, мусульманского мира и Китая.

** **Эд Великий** — герцог (принцес) Аквитании и Васконии, вззошедший на престол не ранее 674 и не позднее 700 года. Прославился участием в исторической битве при Пуатье.

*** **Омейяды** (араб. الأمويون), или бану Умайя (араб. بنو أمية), — династия халифов, основанная Муавией в 661 году.

Хлынул с бешеной силой
железный поток —
Прокатился по берегу
моря каток.

Там, на юге, теперь
чужеземная власть,
И судьбу *Септимании**
впору проклясть.

Людям чуждый закон
иноземцы несут.
Бога, чуждого им,
иноверцы несут.

Побежденному горе,
глумление, плеть.
Не ходи в Божий храм,
а ходи-ка в мечеть!

Кто не принял ислам —
будет *джизью*** платить.
Кто восстал — за мятеж
будет жизнью платить.

И на долгие годы,
на множество лун
Затоптал в людях душу
арабский скакун.

От далекого Инда
до Роны халиф
Мир подмял под себя,
словно сказочный див.

Где тут взяться за меч?
Не поднять головы.
Войско мавров чудовищной
силы, увы.

Их железная конница
в считанный срок
Стерла столько народов
в мельчайший песок...

* **Септимания** (лат. Septimania) — историческая область на французском побережье Средиземноморья, заключенная между горными хребтами Пиренеев и Севенн, с одной стороны, и долинами Гаронны и Роны, с другой. Названа в честь Седьмого легиона, ветераны которого (septimani) были наделены Августом землями в этой местности. В настоящее время входит в состав французского региона Лангедок-Руссильон.

** **Джизья** (جزية) дискриминационный налог на немусульман (зимми), живущих под властью мусульман.

Всем казалось уже,
что спасения нет.
Но нашелся смельчак!
В Аквитании! Эд!

И к нему во владенья
арабы пришли.
Вел захватчиков сам
андалусский *вали* *.

Жгли, насильники, села,
творили разбой.
Осадили Тулузу
несметной ордой...

Только герцог терпеть
от врагов не привык,
И пошел на злодеев
могучий старик!

Во главе храбрецов
он к Тулузе успел.
Шли арабы на штурм,
солнце скрылось от стрел.

Наседали неистово
воины зла.
Город изнемогал.
Были плохи дела.

Каждый дрался, как лев.
Кто-то падал со стен.
Лучше гибель в бою,
чем у извергов плен...

«Удивить — победить!» —
кто-то мудрый сказал**.
Эд ударил, врасплох
омейядов застал.

Ужас тех охватил:
ведь нигде до сих пор
Не встречали арабы
достойный отпор!

А у страха, известно,
глаза велики:
Показалось, бесчисленны
Эда полки.

* Вали (араб.) — наместник.

** И вовсе не «кто-то», а великий русский полководец Александр Васильевич Суворов! Правда, ска- зал он это через тысячу лет.

Так Давидом когда-то
был бит Голиаф.
Побежали враги,
шаровары задрал!

Под Тулузой их Эд
разогнал, как овец,
А наместник халифа
нашел свой конец.*

Ликовали тогда
все, кто верил в Христа:
Значит, Богом молитва
была принята!

Значит, можно и ведьму,
умеючи, бить!
Римский папа спешит
Эда благословить.

Он прислал Аквитанцу
письмо и дары.
Он писал: «Мы дождались
победной поры!

Меч твой свят, и тебе
да поможет Господь
бесноватых язычников
всех побороть!»

Эд, как мог, исполнял
этот папский наказ.
Он побил омейядов
еще пару раз.

Пусть зубами скрежещет
Хишам и скорбит,
Что на Роне *второй*
полководец убит!**

Тот упал на реке,
пораженный стрелой.
А кто звал вас сюда?
Шли бы с миром домой.

Правда, мир не в обычае
лютых зверей,

* Битва при Тулузе 9 июня 721 года, в которой арабский полководец Аль-Самх ибн Малик был смертельно ранен.

** **Хишам ибн Абдул-Малик** — омейядский халиф, правивший с 723 по 743 годы. В 725 и 726 годах герцог Аквитании Эд Великий дважды разбивал армию нового вали, Анбасы ибн Сухайма аль-Калби, причем сам вали был убит стрелой при переправе через Рону.

И не станут они
ни умней, ни добрей.

Только грубую силу
они признают.
Но ведь сила у них,
и они тут как тут.

Трудно быть одному.
Разве Эд виноват,
Что настолько велик
и могуч халифат?

Виноват он в другом,
что гордыней страдал:
Он и с Карлом Мартеллом
тогда воевал!

Только Карл — далеко,
Аквитания — вот.
И вали Септимании
начал поход.

И в военных удачах
наметился крен.
Дочь любимая Эда
захвачена в плен...

Валерий Демидов
(г. Тула)

СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Жизнь — случайность.
Смерть — закономерность.
Вряд ли станет кто-то отрицать,
Что с годами
Эту соразмерность
Хочется все больше порицать.

Я бы мог
На свет не появиться,
Много раз бродила рядом смерть,
Но всегда
Воды живой напиться
Удавалось как-то мне суметь.

Я случайно
Выпадал из люльки,
На машине еле уцелел,
И соседке,
Черноглазой Людке,
Все сказал по пьяни, что хотел.

Для меня случайность —
Это повод
Сделать тоже что-то невзначай,—
Что же тут,
Скажите мне, такого?
За себя готов я отвечать...

Бесконечно
Длинная случайность
Вьет узлы на линии судьбы,
То обидой,
То немой печалью
Заполняя наш всеядный быт.

Заболел,
Случайно заразившись...
Опоздал случайно на экспресс...
Много раз
Случайностям грозившим
Был готов отдать я бурный стресс...

А потом
Придет закономерность —
Злая смерть с косою на плече
И в душе
Посеет суеверность
И боязнь опасных мелочей.

Я не прав?
Тогда меня оспорьте.
Но бессмертных не было и нет.
Вся случайность —
Как слова в кроссворде,
А закономерность — ее след.

Андрей Новиков
(г. Липецк)

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Поэт, прозаик, публицист А. В. Новиков родился в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Первая серьезная публикация Андрея Новикова состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Публиковался во многих периодических изданиях. Автор 6 книг. С 2015 года возглавил Липецкое региональное отделение Союза писателей России. На XV съезде Союза писателей России 15 февраля 2018 года был избран секретарем Союза.

МОРФЕМЫ

Посредством речевого центра,
Бывает, выскочат слова,
Неблагозвучны, но бесценны,
Понятные, как дважды два.

Нет, я не отхожу от темы,
И не использую жаргон,
В основе их лежат морфемы,
Удобные со всех сторон.

Порой они бывают грубы,
Но тем доступны и легки.
Их знают все, как однолюбы,
Так и по бабам ходоки.

Их знают женщины и дети,
Таксисты, критики, врачи.
Волшебные морфемы эти
Признали даже палачи.

Они в составе предложенья
Являют нужный оселок
И формируют выраженье
Практическому смыслу впрок.

И каждый в радости и горе,
Познав отвагу или страх,
Их точно видит на заборе,
Нацеленных не в бровь, а в пах.

Умейте слушать с интересом,
Готов за вами подмести.
Уж коли вас послали лесом,
Туда и надобно идти...

УХО-ГОРЛО-НОС

Наверно, так решил Всевышний,
Оспорить это не спешу.
Люблю я сыр, как любят мыши,
На кухне ем его в тиши.

У холодильника, без света,
На табурет пристроив зад,
Я ем его, ведь есть примета,
Что свет испортит аромат.

Однако, помня чувство меры,
Ряд потребительских причин,
Я ломтик нежного Ламбера
Однажды в этом уличил.

И сколько я его не нюхал,
Такой, муссируя вопрос,
Закончил лишь прострелом уха,
В системе ухо-горло-нос.

И повторился этот случай,
И он пугает до сих пор,
Когда в такой же тьме колючей
Жевал я с плесенью Рокфор.

А раз пошло такое дело,
Терял былую крепость дух,
Когда я кушал Мацареллу,
Ее расхваливая вслух.

Откуда же пришло отмщенье,
Кто уши мне зажал и нос,
Неужто импорт в замещение
Такую пакость мне принес?

В бездумном сыропоеданье,
Пойми, виновен только ты.
Храни свой орган обонянья,
Чурайся ранней глухоты.

ПЕЧАЛЬ

Вы не дразнитесь: тили-тили,
Пусть с дамой я, но мне полста,
Меня давно уж отлюбили
Во все доступные места.

Не гоже мужу в адюльтере,
Что без креста пенять, заметь.
Меня давно уж отымели,
Но снова шарятся иметь.

Немудрено в такой печали
Пожив, и вовсе одичать.
И по башке уж настучали,
Но заново пришли стучать.

Когда всего на свете мало,
И жажды леденеет страсть,
Пойми, что надобно — отпало,
Но снова норовит отпасть.

Чертоги бросив обжитые,
Мы сами бед своих творцы.
Ко мне святые в понятия
Уже намылились отцы.

СОЮЗ

Аванс не крупный выдан Музой,
Еще смешнее был кредит,
А потому поэт от пуза
Не ест, он дерзок и сердит.

Он добр с коллегами для вида,
Пусть ходит иногда во сне,
И эта склонность к суициду
Его оправдана вполне.

Пока поэт еще не старый,
Его и ждет, его и ждут:
Два с половиной санитары —
Психиатрический уют.

Бывает в сутки по три раза
На люстру вешает петлю,
В тисках журнального заказа,
Что я заочно разделю.

Повиснув где-то на минуту,
Познав коротко мир другой,
Он, с ощущеньем Абсолюта,
Забавно дрыгает ногой.

Поймав в качаньях и наклонах
Под ним ходящий табурет,
Супруга вмиг за панталоны
Его спасет, не сделав вред.

Она ему жена и Муза,
Несет лирический мотив,
Основу брачного союза,
Удачно с творческим скрепив.

ПРИЦЕП

Видя парня атипичного,
Что мешает пиво с водкой,
Не выказываю личного,
Принимаю это кротко.

Он зарплату остроумно
Не несет жене и детям.
Не стремится необдуманно
Деньги выбросить на ветер.

Умилюсь, и неожиданно,
Этой благостной картинкой,
Коли к пиву мудро придана
Нашей водки четвертинка.

Потребляя квартиру добрую,
Он в бюджет через акцизы
Прибыль родине удобную
Вносит целым организмом.

И стучит, греха не ведая,
По столешнице таранью.
Это действие я исследую
И включу в повествованье.

Пусть знакомство мимолетное,
За бокалом и за чаркой,
Перейдет в общенье плотное,
Дружбу, временами яркую.

А потом попсу нетленную
Вместе выдадим фальцетом...
Пейте, люди, пиво пенное,
Обязательно с прицепом!

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

К окуляру мерцающей ночью
Есть желание тихо прильнуть,
Разглядеть и осмыслить воочию
Тел небесных далекую суть.

В них мерещится без опасений
Млечный путь, навевающий сны,
В стороне от любых потрясений,
От бюджета семьи и страны.

Без иллюзий и всяких утопий,
Без платежей, пеней ЖКХ,
Точно истина есть в телескопе,
Что не знает земного греха.

Ты отныне уверенный практик,
Понимающий степень свобод,
Созерцанье спиральных галактик
Обращаешь в приход и расход.

Распахни небосвод для объятья,
Там, на звездных его полюсах,
Так же тужат по разуму братья
На балконе в семейных трусах.

ДУХОВНАЯ ПИЦЦА

Скажи мне, баннер придорожный,
Зачем рекламою кастрюль
На путь ты направляешь ложный,
Духовной пиццы в коем — нуль?!

Восходит смыслом обреченный,
Попробуй только, сопряги,
Тревожный день сырокопченный,
Где свет — с подливою мозги.

А рядом на щите дощатом,
Занявшем маленький забор,
Сосиски манят, супостаты,
Сырокопченостей набор.

Прими же неизбежность, гений,
И выстрой совпадений ряд; —
Доступность слюновыделений,
Опасный, плотоядный взгляд.

А в сумме — некий дух исканий,
Который дерзко дразнит плоть,
Послеобеденных иканий
Не дав еще перебороть.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ВОДОМЕТ

Без спроса, в сад явившись райский,
Бесцельно по нему сную,
Да и фонтан Бахчисарайский
Не шибко, в целом, узнаю.

На месте он, возле гарема,
Где казус плотских чувств возник,
И этому событию в тему
Наложнице пришел кирдык.

Там что-то сильно затупили
В суровый и кровавый век,
Кастраты деву утопили,
И хан ее не уберег.

Волненья сердца выражая,
Потом раскаялся всерьез
И, что почем соображая,
Фонтан придумал горьких слез.

Он, вроде, тот, но видом странный,
Пусть капает вода в тиши...
Быть может, словом иностранным
Назвать его он поспешил?

Но есть ли в словаре татарском
Аналог, что не прозвучал?
Верней всего, подарок царский
Гирей никак не величал.

Кто ж Аю-Дагом тайно грезит,
Экспансии погнал волну?
И почему француз к нам лезет
В словарь, как в Крымскую войну?

Пускай заимствований мúnет
Тлетворный иностранный гнет,
Фонтан я буду звать отныне
Российским словом — водомет!

Пусть славно он метает воду,
Ее гоня взад — вперед,
Дав слово верное народу,
Который Пушкина прочтет.

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Благой порыв не выглядит ли глупо,
Когда пыгливо и со всех сторон
Купюру в сто рублей рассматривая в лупу,
Увидишь, что в квадриге... голый Аполлон.

Аркадий Польшин
(г. Лебединь Липецкой области)

АНГЕЛЫ
Поэма

Аркадий Олегович Польшин — член Союза писателей России с 1995 г., автор четырех поэтических книг. В настоящее время готовится к публикации книга «Граница», куда, помимо стихов-поэм, войдут статьи о России. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд», г. Данков.

*Три оружия есть у врача:
слово, растение, нож.*

Авиценна

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над Липецком ангелы кружат
И все в оперении белом:
Спасают и брата, и мужа
Иль просто случайное тело.
А телу такая станция —
Палата, реанимация!
Сосудистых, нервных, ковидных
И прочих граждáнов болезных
Пленяют они — Айболиты,
Вживляют шприцы-саморезы.
Сквозь камень, металл и полночи
Летают скорые помощи.
Так было в боях и в буднях —
В году сорок первом и пятом:
Ангелы на парашютах
Спасали бойцов и комбатов.
Гонцами из той обители —
Над Липецком истребители.
Над «Тракторным» и над «Прогрессом»
Висит перевязочный ситец,
Висит Сталинград по-над лесом,
Бинтами прикрыв Новолипецк...
Ангелы, жизнь, операции —
Девятнадцатый — овации!
Девятнадцатый — это №,

Симфония микрорайона.
В соседнем, в писательском доме,
Нашел я того капюшона:
Грозил я ему — смотрящему —
«Волчарами настоящими».
Я в «Мост», а «волчары» в капканы —
Поэма не для слабонервных.
Меня ж занесли в хулиганы
Холуи и прочие стервы...
...Теперь сдружился с таблетками,
С врачами, будто с соседками.
А капюшон? На том же месте:
Все тот же стул из кабинета.
Ему лет 100, а может 200 —
Враг Пушкина и Грибоеда!
Врача боится проворного
(Вдруг ангелы схватят черного!).
Сегодня их дом здесь и Правда —
Ее ведь не вымарать кровью:
Врача, как любого солдата,
Покрыть надо встречной любовью.
Я сам стал тому свидетелем,
Упав на кушетку лебедем.
Пронес меня ветер надежды
Сквозь все проходные и стены.
Мой доктор, пожалуйста клещи
В мои деревянные вены.
Они у меня с подвязками —
С печатями лебедянскими.
Вот только рецензиям этим
Нет веры и нет антидота.
Впрочем... налейте, как детям,
Из сухофруктов компота.
Изюмом кишки обеспечены,
Меж селезенкой и печенью.
Попал я в хорошие руки —
В объятья хирурга и Бога:
«Богородицу» не от скуки
Достал я из левого бока...
Все по уму, неназойливо —
Щедрина Татьяна Анатольевна!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Теперь палата номер три —
Этаж другой, но смысл тот самый:
Врач поднимает изнутри
Мои проселочные камни.
Я им поведал, что футбол
Люблю, как гречневую кашу!
А я, друзья, не балабол
И не любитель эпатажа.

Когда на койку привезли
Мои конечности босые,
То попросил, чтоб кандалы
С меня спилили вековые.
Все потому, что мне без ног
Весь этот бал не интересен.
Без них — родимых — я б не смог,
Ведь я, признаться, не Маресьев!
Да! Был Маресьев — славный росс!
Мне до него как до Пекина:
Всего лишь... сделали наркоз,
А тело дуб наполовину.
Случился неплохой улов
(Комдиву поцелую руку!),
Ведь славный доктор Сиваков
Схватил за горло каменюку.
Медсестры — феи во плоти,
Как ангелы очередные.
И капают в мои сады,
Как будто граммы фронтовые.
А в тех садах сплошная лень
Идет по трубкам из сосуда:
Есть Дарья Игоревны тень,
Ее очки из Голливуда.
Я с ней столкнулся позавчер,
Когда светил пустое брюхо,
Она включила светофор
И результат вложила в ухо.
Диагноз четкий, как планшет,
Дальнейший план — он как гербарий.
Ей бы на пояс пистолет
И ворох боевых медалей.
Она смогла бы на коня!..
Они смогли бы все бесстрашно —
Быть под лавиною огня,
Окоп покинуть бесшабашно.
Спасибо всем, а я вздремну:
Увижу дом, березы в меди,
Свою любимую жену
И не на том, на этом свете.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спасибо, доктор Щедрина,
Мой сон силен и аккуратен.
Я сплю сегодня без вина,
Без всяких там кистовых пятен.
Как будто из сороковых —
Вы ангел, Вы одна из них!
Халаты белые кругом,
Как крылья шустрых звездолетов.
Сегодня их аэродром

На этих выжатых болотах...
На том последнем этаже —
Как бы на Курском рубеже.
Там операции идут,
Пускай и не того масштаба,
Людей спасает парашют
И ангельская спецбригада.
Так происходит день за днем,
Пока мне капают бульон!
Модельный носик снится, брошь —
Джоконды здешней обереги.
Душа вонзила, будто нож,
Мне шприц в центральные отсеки.
Умна она, красива тож,
Что в наше время редкий ЗОЖ!
Проспав и язву, и цистит,
Кровать ребристую пришпорю!
Я, словно липецкий таксист,
В педалях возлюбивший волю.
О том же думает сосед —
Культияпа — худосочный дед.
Он пионером был, грозой —
Китайцам обещал картечи!
Снаряд рванул, и врач пилой
Мальцу укоротил предплечье.
Товарищ Мао — хунвейбин,
Ваську — 100 лет пенициллин!..
Он мне сосед! И пару раз
Я перевязывал босоту.
И мне хотелось прямо в глаз —
Китайцам тем послать пилота,
Чтоб в брюхе был — той детворы —
Привет: «ПАЛАТА № 3!».
Живу неделю, словно царь:
Звонки, брюзжанья и обеды...
Листал ревнивый календарь
Те гениальные диеты:
Они здесь истинно умны —
Врачи любой величины.
Однажды, належавшись власть,
Пошел пройтись, а там диванчик:
Шагает мимо чья-то страсть,
А я как будто мальчик-с-пальчик.
Диван хорош, а мне опять
Совсем не светит та кровать.
Притом... как будто театрал,
Сиж у шелковой дорожки:
Шагает мимо карнавал —
И через раз какие ножки?!
И песню хочется мне петь!
Да так, чтобы взорвалась медь!..
Но вдруг одна, во всей красе,

Подходит сделать замечанье:
Мол, карантин у нас, месье,
Ступайте прочь в опочивальню.
А рядом с ней молчит пиджак —
Молоденький, уже табак...
Зачем же так, мадмуазель,
Диван больному не опасен.
У Вас, понятно, канитель,
А у меня сегодня праздник!
И мне не в тему Ваш топор —
Суровый Роспотребнадзор.
На страже Он стоит, как штык,
Всех привилегий и запретов.
Но здесь, увы, случился бзик —
Мне зря грозили кабинетом:
Надзор здесь ни при чем, как снег,
Такой есть фактор — человек!..
Матриархат всему виной,
Ведь мужики теперь в запасе?!
Зачем красотке волевой
Авторитетные лампы?..
Пока жевал я свой оскал,
От жизни, стало быть, отстал?!
Красив и грозен бюрократ —
Так на Руси всегда бывало.
И даже вечный Гиппократ
Не мог им заровнять забрало.
О том поведал Грибоед —
Друг Пушкина и лейб-поэт!
Хотя... довольно пировать,
Пора домой, на третью койку.
Рекомендовано мне спать,
А то, глядишь, поставят двойку.
Я ж в дисциплине знаю толк,
Хоть сам почти что чистый волк.
Но чую вдруг, что стал добреть
С тех пор, как побывал в рентгене:
Срослась язвительная плеть
В моем душевном Карфагене.
А посему бессилен черт —
Есть у меня стихирный йод!
Есть Доктор, и всегда он был —
Я помню профиль олимпийский!
Тот Доктор из таких светил,
С бывалым кортиком балтийским.
Его фамилия Житков!
Он фронтовик из моряков!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О нем мне Панюшкин сказал —
Он тоже был моряк, что надо:

Был настоящий театрал
И палубная спецбригада...

Издад Житкова он зараз,
Когда уж смерть сидела в кресле:
Дед был как преданный Кавказ,
Для Деда друг на первом месте.
Мы с ним умели по одной
За тех, кто лег меж скал не в койки.
Утюжил водочный прибор
Либавы берег и подлодки.
Здесь за Житкова он поднял,
И понял я, что это сила.
Есть настоящий мореман
И медицинское светило!
Тут... слово за слово, не вдруг,
Дед вспомнил Зегеля — поэму.
Он был ему совсем не друг,
А тот — кто закалял систему.
В семидесятых написал
Ему он оду волевою:
Про Совнарком и капитал,
Про ту антоновскую бурю.
Потом был лес и атаман
И той империи осколки:
Фрол, Серый, любовь и наган —
Мои «Настоящие волки».
Есть две поэмы — две души!
Две пули есть, есть два поэта.
Скакали рядом миражи —
Кожаны Реввоенсовета.
Так мы сидели и не раз:
Читали, пели и мечтали,
Чтоб наша Русь накрыла вас,
Как пятитонные скрижали.
Да! Были люди на Руси,
Да и сейчас, пожалуй, тоже.
Помилуй, Господи, прости,
Коль я обидел... Я ж художник!
Не кистью рыхлой, а в глагол
Я замурую наши тосты.
Мы пьем сегодня валидол,
А завтра ляжем на погосты.
Но верю я, найдется он —
Тот, кто продолжит эту песню:
Опять Либава под огнем,
Житков и Панюшкин в контексте.
Все ж подлечусь у Щедриной —
На всякий случай, на пожарный.
Вдруг я последний, я изгой
И берег тот чужой... Янтарный!
Желудок, печень — в бумбараш,

Гемоглобин козленком скачет.
Вести последний репортаж
Я буду с койки... не иначе.
Экологический коллапс —
Такой диагноз нынче в поле.
Быть может, в мой противогаз
Проник микроб на водопое?
С водой сегодня не шути,
Вода сегодня в карауле:
В Ухани желтые коты
Не тех мышей сожрали все.
Запив из моря аль с реки
Немаркированные яды,
Котяр несметные полки
Опять нам машут из засады.
Тут дядю Васю вспомню вдруг —
Его настырную культяпу:
Китаец нам, конечно, друг,
Но если что, откусит лапу...
Мабудь, кумекают «орлы»,
Что без войны нас сделать можно?
О чем спевали «Песняры»,
Мы им напомним осторожно!
Напомним всем про Сталинград —
Враг за него платил не в фунтах...
Небось, слышал их кандидат
Об ангелах на парашютах!
Они все знают: нас не взять —
Мы не горим, в штормах не тонем!
По доброте своей опять
В вакцине вымочим их брони.
Опять на плечи парашют
Наш доктор вскинет на вокзале.
Лишь бы декретики иуд
Спасать планету не мешали!..
Сахара, Сирия, Ханой...
Среди бандитов и москитов
Ведет людей на водопой
Один из русских Айболитов!
На Лебедяни есть такой —
Романтик с настоящим током.
Коль позовут, он примет бой
Не со штыком, с фонендоскопом.
Когда в боку горел кинжал
От полуночных камнепадов,
Меня, как графа, принимал
Док по фамилии Плеханов.
Он не марксист, не богослов,
Он просто добрый Человеке!
Ведь он, как доктор Пирогов,
Ту Лебедянь таблеткой лечит.
Но тут таблеткой не возьмешь,

Здесь нужен козырь пошустрее —
Хирурга перочинный нож,
Возможно... бритва брадобрея.
Нужна железная меча,
Чтоб вскрыть фурункул краснорожий —
Рука такого силача
И настоящего вельможи!
Десант нам высадят, аль как,
Но без вранья и спозаранку
Лечить здесь будут даже рак
И африканскую ветрянку.
Дожить бы мне до той поры,
Чтоб увидеть не понаслышке
Ангелогрудые шатры
И пациентов без одышки.

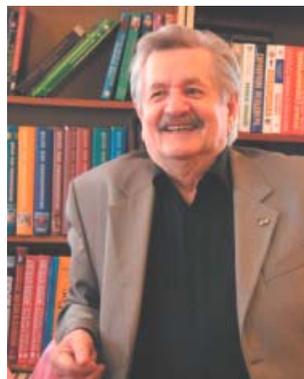
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Но главный док — это она!
Она, которая в тревоге
Мои оберегает ноги,
Моя родимая жена.
Доходчивей любой науки
Ее застенчивые руки!
Она и фельдшер, и глазной,
И терапевт тот самый-самый!
С ней вдохновенье и покой,
Как пред межзвездной панорамой.
Ведь наши рваные утробы
Отец Илья венчал до гроба.
Господь, он знает, что и как:
Сколь нам грустить и веселиться.
И если где-то есть бардак —
Это не враг и не убийца...
С ней я, как берендей воспетый,
С годами наливаюсь светом.
Она волшебница, поди,
Не только на Восьмое марта.
Она мой верный карантин,
Моя последняя граната.
Она из ангелов, вестимо.
Она та самая Камилла.
Почти римлянка, и в соку,
Но русскую не скроешь душу:
Коня стреножит на скаку,
Избу горящую потушит.
Нашла она во мне чего-то —
Какую матушку-пехоту?
Теперь диван опять со мной...
Программа «Матч» и дух футбола.
Никто не скажет мне: «Отбой!» —
Железным слогом дискобола.

Здесь не скучают по походке
Небесноглазые красотки.
Сестра моя — та тоже мозг —
Всех знает и умеет много.
Пишу я этот эпилог
И для нее. Судите строго!
У Пушкина — Руслан с Людмилой,
А у меня — сестра с Ириной.
По праву руку пара гирь
И благородные гантели.
Отец мне как-то подарил
Железки эти и качели.
Качал он сам бицуху в ЗОЖе —
Раз двести из упора лежа.
Возьмусь и я за этот спорт,
Вот только выйду из непрухи.
Сегодня двадцать первый год
Не мне, а вечной колотухе!
Жизнь бьет меня все эти годы,
Такой я баловень свободы.
Господь и ангелы со мной,
А это, согласитесь, много!
Давно ведет меня домой
Моя зачетная дорога.
И как-то видел я сквозь зори
Себя во светлом коридоре!

Сергей Прохоров
(п. Нижний Ингаш Красноярского края)

Сергей Тимофеевич Прохоров — коренной сибиряк. Живет в таежном поселке Нижний Ингаш Красноярского края. Основатель и редактор двух литературно-художественных журналов: печатного — «ИСТОКИ» и электронного — «ЛИТ-КУЛЬТПРИВЕТ!», известных далеко за пределами края и за рубежом. Член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент литературной академии республики Крым. Кавалер ордена «Культурное наследие».

Я ГОТОВ ЖИТЬ ЛЕТ ТРИСТА

Голод жизни неистов,
Ненасытен всегда.
Я готов жить лет триста,
Не скупясь на года.
Не считая, как деньги,
Их в своем кошельке.
Где там год, месяц, день где,
Словно мелочь в руке.
Прозвенит и растает
Ненасытная медь,
И тебя вдруг не станет
Не ныне, не впредь.
И светла и тени'ста,
С нами жизнь и без нас.
Я готов жить лет триста,
Только кто же мне даст.

* * *

И снова в поисках утрат
Всю ночь я бредил,
И снова дождь прошел с утра,
Листву проредил,
Промыл все крыши и кусты,
В струях поло'ща,
И за околицею стих,
За синей рощей.
А больше, вроде, ничего,

Так, чтобы очень,
Но было грустно от того,
Что скоро осень.

О КРАСОТЕ ЗЕМНОЙ

Слева диво,
справа диво,
Диво в центре,
диво с краю.
Это так
несправедливо,
Когда дивы
умирают.
Да, увы,
несправедливо.
На земле
всем дивам тесно.
Ну, а с неба
эти дивы
Нам смотреть
неинтересно.

ЛЕТО

От небесных лир
Звонко струнных
Дождь с утра пролил
Тонко-струнный.
Простучал по крышам
Staccato
И затих
Незаметно как-то.
И от солнца
Листвой просохнув,
В небо шляпу взметнул
Подсолнух.
Залоснились ботвою
Грядки.
Значит, лето
И все в порядке.

НЕ ПОВТОРИТСЯ

Как будто специально на заказ,
Взметнулся вечер полотном в полнеба —
Таким красивым был вчера закат,
Каким он прежде, кажется, и не был.
И полотно, и краски, вроде, те,
Что каждый вечер пишется и зрится,
Но что-то было в этой высоте
Такое, что уже не повторится.

ЧУТЬ-ЧУТЬ

Среди всего земного и благого,
Среди вещей обычных и причуд,
Всегда чего-то хочется такого,
Какого не хватает нам чуть-чуть.
Пусть маленькую толику всего лишь,
Пусть на одну понюшку табаку,
Как воздуха глоток на вольной воле,
Как свиста шашки на лихом скаку.

* * *

Цветок в горшке на подоконнике
Опять расцвел.
А за окном рябины тоненькой
Маячил ствол.
А над рябиной плыло облако
Куда-то вдаль.
И грезилась любимым обликом
Цветка спираль.

ПРИЧАСТЕН

Замечаю все чаще и чаще,
И не знаю, чья в этом вина.
В этом мире — немом и кричащем —
Не хватает участия нам.
Как причастья, простого участия,
В наших бедах, делах — визави,
Из которых слагается счастье —
Наивысшая степень любви.
Мы, порою, словами играя,
Отстраняем себя от проблем,
Утверждая: «моя хата с краю»,
Хотя с краю она не совсем.
Где-то весь, ну а где-то отчасти —
В этом мире всего не объять,
Я причастен, причастен, причастен,
И еще, и уже, и опять.

ИЗБА И СЛОВО

Как слово емкое из букв —
Шрифт чист и ровен —
Срубил мужик свою избу
Из крепких бревен.
Венец к венцу блестят ряды
Янтарным слогом,
Как бы приветствуя труды
Мастерового.
Печная задымит труба

Зимою злою
И обогреет всех изба
Теплом, как словом.

ДУМЫ-ПУЛИ

Опять зацепила хандра,
Как пуля — навывлет,
Внезапно,
Но это на миг и вчера.
А что ожидать на завтра?
Какая беда и печаль,
Зарядами огневыми,
Не целясь, в меня
С плеча
Не насмерть, а так —
Навивлет.
Средь дум,
как средь пуль в бою,
Упасть я могу внезапно.
Пока же еще стою.
А что ожидать на завтра?

ДЫШУ ВЗАХЛЕБ

Жизнь пронеслась — успел лишь охнуть,
Да что-то спеть...
И слепнуть стал уже, и глохнуть,
Умом слабеть.
Брожу вслепую в переулках
Вчерашних дней,
Где ветер времени аукал
Когда-то мне.
И я ему чего-то окал —
Дул пуще чтоб.
Не закрываю на ночь окон —
Дышу вздохом.
Как коротки земные сроки,
Чтоб все успеть.
И пусть еще родятся строки,
Чтоб что-то спеть.

ДАРМОВОЕ СЧАСТЬЕ

Говорят, и часто,
И слова смешны,
Что бывает счастья
Полные штаны.
Исходя из правил,
Все и всех любя,
Я на миг представил
В тех штанах себя.

Талия в обтяжку,
Стрелки, как стекло,
Радостно по ляжкам
Счастье потекло.
Даром, как не странно
И не мудрено,
Изо всех карманов
Сыпется оно.
Сколько его будет,
Сколько быть должно?..
И дарю я людям
Счастье из штанов.
Время лиховое —
Шире ставь карман,
Счастье дармовое,
Значит, задарма.
Верь. И все, отчасти,
Верить мы должны,
Что бывает счастья
Полные штаны.

ЖИЗНЬ ГАЛОПОМ

Эх, сейчас бы
по коням
и в галоп!
Режут вожжи
ладони,
ветер в лоб.
Мимо доли
и судьбы, мир внахлест.
В этом жизни всей
суть бы —
в миге верст,
что промчатся
и канут
в небытие...
Вот и жизнь
проскакала я —
ё, мое!

ВСЕ СО СМЫСЛОМ

В нашей жизни все со смыслом:
Цвет и запах, смех и грусть.
Если баба с коромыслом,
Значит, это точно Русь.
Не сменить, не перепутать
То, что в нас из века в век.
Даже если на распутье —
Это русский человек
И на море, и на суше,

Где и ветер вечно пьян,
Неприкаянные души
Необузданных славян.
Нас везде — пройдишь по кругу,
Утверждать за то берусь:
Если мат на всю округу —
Значит, это точно Русь.
Чтоб не прожечь годов лихих,
Чтоб не прожечь их,
Любил я женщин и стихи,
Стихи и женщин.
Они спасали ото зла,
Греховной плоти:
Любовь и Слова — два крыла
В одном полете.
И отражалось, как в огне,
Что к сердцу жалось,
И Слово плавилось во мне,
В любви рождалось.
Два состояния души —
Любовь и Слово.
Пиши — люби,
Люби — пиши.
Все вновь, все снова.

Олег Пантюхин
(г. Щекино Тульской обл.)

ПОЛЕТ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗВУКИ ДУШИ

В далекой лесной тиши
Мне слышатся звуки души.
Звучат, как мелодии лет,
Оставивших в памяти след,
Печалей былых и сомнений,
Надежд, запоздалых прозрений,
И веры родник святой
С прозрачной живой водой.

ТОНКИЕ СНЫ

На границе зимы и весны
К нам приходят тонкие сны.
Словно льдинки прозрачной грани,
Таят лишь в предрассветной рани.
Уловить так непросто смыслы,
Зашифрованы они высью.
Только утром, как озаренье,
Вместе с явью придет прозренье.

Владимир Лебедев
(г. Нижний Новгород)

Владимир Лебедев — поэт, прозаик. Лауреат премии «Золотой теленок» клуба «12 стульев» «Литературной газеты». Победитель и призер конкурсов радиостанции «Юность» Всесоюзного радио. Опубликовано 8 книг.

КРУГИ В МОРЕ

В безбрежном море незадач
Нет утешенья.
Вдали от берега удач
Терплю крушенья.
И небо надо мной, как боль,
Звезд тусклых прорва.
Воды холодной злая соль
Дерет мне горло.
В туманной дали горизонт
Не зрим, как прежде,
И не берет меня на борт
Корабль надежды.
Опять мне жизнь дает урок,
И шутки плохи.
Какой же подлый этот рок,
Пострел эпохи.
Отчаянно держусь за борт
Рукою цепкой.
Но по волнам — увы — плывут
Одни лишь щепки.

ВЕСНА НА ПРОГУЛКЕ

Дарит солнце радость озаренья,
Нежным светом новый день творя.
Будто снизошло с небес прозренье,
Оживает стылая земля.

Злые вьюги в отпуск отпросились,
Ставни окон смотрят в мир добрей,

Травка краской свежею покрылась
И уходит сырость из полей.

После спячки встрепенулись всходы,
Съежился в овраге талый снег,
И река к своим вернулась водам,
Чтоб привычный исполнять сонет.

Вязу на плечо синичка села,
Зачирикав громче и светлей.
Парень, девушку обняв несмело,
Дотронулся до ее кудрей.

Просветлели лица у прохожих —
Жизнь природы не направить вспять —
И деревья, на детей похожи,
Вышли в белых гольфах погулять.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

С НЕБЕС ЗВЕЗДА ЛЕТИТ

Наш постоянный автор.

* * *

О, мечта! Далек ты за краем,
Где рассветных трудов благодать...
Я твою высоту принимаю
И безмерную звездную гладь.

На земле я ищу к ним дорогу,
Хоть навстречу порою беда.
Но с небес мне приходит подмога,
И минует земная вражда.

...Вновь в раздумьях бессонные ночи,
И распахнуты в небо врата,
У души открываются очи...
И уже достижима мечта...

* * *

Не спится... В сердце непокой,
Под звезд волшебной сенью —
Звучать хотя б одной строкой
Души стихотвореньям.

Межзвездная ночная речь
Хранит его горенье,
Дневную ношу сбросив с плеч,
В даруемых мгновеньях...

Уж с неба утра брезжит свет,
Деревьев тень все резче,
А на бумаге — ручки след...
Мне непокой завещан.

* * *

Зрелость лет... На сердце — тризна...
Было терпко, стало горько...

Я, как в омут, вновь по жизни,
По растерзанной Отчизне,
Не боясь иду... нисколько.

А судьба опять капризна...
Вся порезана на дольки...
Жизнь моя, как будто в призме,
Перекрестье судеб стольких!
Я держусь за небо только.

* * *

Давно я зимою не ездил в вагоне,
Не видел сибирской — в снегах — красоты:
Встающего солнца в сияющем звоне,
И заячьи, в варежках серых, следы.

А сосны в пороше, как белые храмы,
К ним поле с дорогою в снежной пыли,
Сугробы у окон по самые рамы...
И сердце — как будто снежинка вдали...

* * *

Вот и настало — время томленья
Зрелой любви, чудо-таинство встреч...
Нам в этот вечер с прошлым скрещенья
Нужно земную любовь уберечь.

Чтоб сохранилось звезд притяженье,
Годы в зарничном огне утопив,
Нам бы сберечь любви вдохновенье,
Сердцем услышав небесный мотив...

* * *

*Не плоть, а дух
растлился в наши дни*

Ф. Тютчев

Наш век похож на рынок,
Где торг бурлит обманом,
Толкучий поединок
Добра и злобы рьяной.
И правда в нем немеет,
Ворье в карманах шарит,
И души каменеют
В стяжательства угаре.
...Кружи'т, с обманом вместе,
Дух зла во лжи тумане,
И мало тех, кто честен —
Владеющих деньгами...

* * *

Осенним приданым,
Последней красою,
Лист желто-багряный
Кружит надо мною...

А ночь — лунной тенью —
Вся в звездах дорога:
Прощанье...
Прощенье...
Вся жизнь перед Богом...

* * *

Снег беспалым летит
декабрем,
Волшебством оглушая...
В снежной сказке земли оком,
Белой пылью играя,
Снов следы замечает...

С неба луч — на поля —
золотой
Вдруг приходит салютом,
Скинув сонные путы,
Покоряя версту за верстой...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ПАСХАЛЬНЫЕ СТИХИ

Наш постоянный автор.

1

Ксении Корчагиной

День Вам добрый, москвичка Ксения!
В стольном граде, поди, капель,
Растрезвонились дни весенние?
...А в Сибири — опять метель.
Вновь завьюжило над сугробами —
А сугробы у нас до крыш...
С Иннокентием* нынче оба мы
От забот отдохнем, глядишь.
...Перед Пасхой отбелит выюгами
В наших душах и ржавь, и гнусь.
Все невзгоды осилим с другом мы —
Ради веры в Святую Русь.

2

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь.
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербы-одуванчики
Расцвели везде...
Золотится солнышко
В платьях щеголих.
Звонкий жаворонушка
Песней славит их...
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чистá,
До чего же здешние
Хороши места!

* Иннокентий — друг и собрат по творчеству.

...Красотой особенной
Дышит все окрест.
Над Пасхальной Родиной
Льется благовест.

3

*Светлой памяти православного русского
писателя Глеба Иосифовича Пакулова*

Молясь светозарным иконам,
Воскресшего слава Христа,
С пасхальным малиновым звоном
Слились православных уста.
...Бессмертную жизнь воспевая
В соборах святыми людьми,
Ликуй, моя Русь горевая! —
Обретшего в муках прими!

4

*Замечательному русскому поэту,
Юрию Сергеевичу Павлову*

В мире ханжески суровом,
Где цена стоит всему, —
Окормляясь Божьим Словом*, —
Мы посыл даем уму.
...И хотя грозит нам строго
Лютой карой Сатана, —
Нас к Христу ведет дорогой
Православная страна...
И чтоб свет духовной жизни
В наших душах не погас, —
Бог с рожденья и до тризны
Окормляет Словом нас.

5

Ткаченко Александру Дмитриевичу

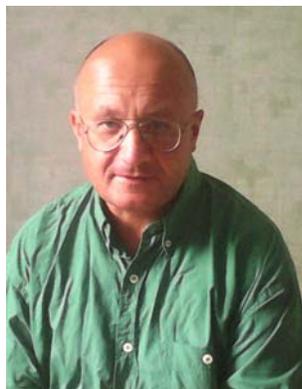
Спасенье души —
самородное русское слово,
Несущее силу святой
родниковой воды.
...Когда твое сердце
от горя взорваться готово,
То словом тебя ободрят
и спасут от беды...
И хмурь на лице

* Словом — вначале Слово было Бог.

озарится улыбкой приветной.
И край, где родился,
вдруг станет до боли родным...
И отчий наказ —
жить в согласии с верой заветной —
Тебе он не даст
поклоняться законам иным.
...Но если душа
растеряет с годами святое, —
Ты к Божьему слову,
к святыням его обратись, —
И снова, как в детстве,
вернется понятие простое,
И душу очистит,
и смыслом наполнится жизнь.

Юрий Токарь
(Украина, Житомирская обл.)

Наш постоянный автор.

ДОНБАССКИМ ДЕТЯМ

По светлым надеждам, как будто по грязи,
В обстрелянных снах пробежали напасти,
Прошли БМП, БТРы за ними,
Не думали дети, что детство отнимут.

Теперь еще маски на линии фронта,
И это все вместо улыбок и спорта,
Пятнистые формы, шевроны, погоны,
Неужто в столицах живут по-другому?

Конечно, там тоже, наверное, маски,
Но можно у дома пройти без опаски,
И даже фонтаны бьют в небо, возможно,
Не надо смотреть на него осторожно.

О, вроде планета совсем небольшая,
Но кто-то на ней проживает у края,
У края, который разделит незримо,
Где вместо беседы — одна пантомима.

Когда же безумие кончится это,
С мечтаний начнутся детишек рассветы?
Нельзя доказать ничего сапогами!
И только Господь бесконечен над нами.

ДНЕПРОПЕТРОВСКУ

Эти камни, наверное, помнят не много,
И меня они вряд ли узнают сейчас,
А дорога, что вызубрил я от порога,
Словно судна разбитого ржавый каркас.

И машины по улицам ездят другие,
Здесь пустышностью глянца залили добро,
Стали модными здания вовсе иные,
Появились давно казино и метро.

Эхо детства не бродит уже меж домами,
Ведь ему неуютно в рекламных огнях,
И всего, что случилось с подростками нами,
Этот город, конечно, не сможет понять.

Все равно я пройду до кофейни неброской,
Закажу еще, может, себе коньяка,
И почувствую, будто попал я на остров,
На котором без детства остаться нельзя.

* * *

И продрогшие стуки вагонов,
И холодную вязь декабря,
И привычную серость перронов,
Постигаю, по жизни идя.
Только эти акценты пустышны,
Фон совсем не важнее, чем суть,
Если в сердце мелодию слышно,
Улыбнется, возможно, и путь.
Пусть натужно сверкают витрины,
Манят мраморной сказкой дворцы —
Это мимо души, это мимо,
Как и то, что скрывают ларцы.
Если в них много злата искрится,
Не собьет оно, верю, с пути.
Пестрой лентой дорога пусть вьется,
Но по ней очень надо идти.

Иван Нечипорук
(г. Горловка, Донбасс)

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом шахтер. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Редактор донецкого журнала «Пять стихий». Автор нескольких поэтических книг.

* * *

А сверху город, словно сказка,—
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь еще предельно ласков,
Но путь его уже тернов.

Без птичьей суеты — жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдемся по спуску! Где дышится в полдень свободно,
Где города змиева осень легка и светла.

Пусть машут каштаны своей обреченной листвой,
Пусть камни брусчатки на солнце агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова — номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой...

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху...
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей: «если б не ты!»

* * *

Месяц опускает луч
на дома епитрахилью,
Ночь сегодня принимает
исповедь от сентября.
Осень, словно мотылек,
расправляет чудо-крылья,
И над нею звезды робко
и заплаканно горят.

Неужели ты согласишься
в то, что лето канет в Лету?
Сохранить тепло — не просто,
Но кому-то по плечу...
И летит сквозь время наша
неумная планета.
Ночь прочтет канон последний
и зажжет зари свечу.

* * *

Мир пляшет на костях, тут верь не верь —
Всесилен злобы человеческой зверь.
Мой день опять застыл на острой грани.
Война не спишет разочарований
И не смягчит, увы, досаду от потерь.

Душа моя прошла и Крым, и Рим,
Я сеял слово — пожинаю дым,
Мне не хватает ни чернил, ни красок...
Но вера тлеет, дожидаясь часа
Пустить надежду по артериям моим.

БУДЕМ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИТЬ

*Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют.*

Илья Кормильцев

Действительность наша горька
Под знаменем скудного века,
Где быт, как безногий калека,
Обрушившийся истукан,
Где время — обуза, не лекарь.

Тончает сознания нить,
Судьба, как поземка вихляет
Под песни собачьего лая...
Но нужно друг друга любить,
Пока нас всех не...

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Ивану Волосюку

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку,
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И 100 пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце усмиряли жалость.
А воздух был уже больной
И все закончилось войной...
Верней, все только начиналось.

Екатерина Мотыженкова
(г. Оренбург)

Родилась в городе Оренбурге. Член литературного объединения имени С. Т. Аксакова. Лауреат и победитель международных и всероссийских литературных конкурсов. Издана книга «Звонкие звезды» (2019).

РУСЬ

Полно, Русь, подремала далече.
Не забыла родимую речь,
Богатырские русские плечи,
Богатырский воинственный меч,

Божий храм с колокольными звонами,
И узорных наличников вязь,
И березы с кудрявыми кленами,
И с далекими предками связь.

Возрождайся родными просторами.
Вспомни герб, что дарован судьбой.
Окрыляйся Руси косогорами,
Светлой верой, молитвой святой.

И врагов поражая мечами,
Вновь сражай наповал подлецов.
Умываясь во храме слезами,
Бей поклоны Христу за отцов.

КАЗАК

Казак лихой кнутом поправил
Густые кудри, и запел,
И на скаку коня ударил,
И в степь родную полетел.

Несется песня на просторе.
В ней плач любви, разлуки стон.
Змею-тоску, печаль и горе
Из сердца вырвал верой он.

Сверкнул орлиными глазами
И вздрогнули пред ним враги.
Тряхнул могучими плечами.
Рассек враждебные полки.

Свобода без конца, без края.
И машет саблею сильней,
Златистой шашкой ударяя
Бока серебряных коней.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Златится Болдинская осень,
Крупицы радости даря.
На лучезарных листьях просинь
Сияет солнцем сентября.

Березы словно свечи теплят.
Русь слогом Пушкинским звенит.
Сквозь годы и века немедля
Великий гений к нам спешит.

Испив нектар осенних сказок,
Неугасимый символ строк,
Поэтов вдохновляют сказы.
Струится гения урок.

Ему внимает Русь золотая,
Звеня в ликующем ветру.
Поет земля моя родная,
И я поэзией горю.

Николай Жуков
(г. Тула)

ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Председатель Тульского отделения Союза писателей России. Лауреат областной литературной премии им. Л. Н. Толстого. Награжден медалью Организационного комитета по проведению в РФ Года литературы «За особый вклад в книжное дело», 2015. Автор стихов, посвященных государственным и политическим деятелям, классикам и современным деятелям культуры, спорта и искусства.

В эпоху расцвета и силы,
На доброй волне меценатства
Купцы Третьяковы России
Свое даровали богатство.

Подвижники духа народа,
Его сокровенного чувства,
Создали в трудах и заботах
Хранилище мира искусства.

Обитель нашли в Галерее,
Где Врубеля Демон сидящий,
Художник в привычной манере
И скульптор, резцом говорящий.

Культуры избранницей стала,
Как было ниспослано свыше,
Чтоб красками нам заполняла
В душе опустевшие ниши.

Здесь Троица кисти Рублева,
Как Русь, необъятно велика,
Владимирская здесь икона
Божественна благостью лика.

В шедеврах и славе нетленной
Художники с нами ждут встречи:
Брюллов, Айвазовский, Поленов
И с Черным квадратом Малевич.

Здесь милая сердцу Россия
В симфонии красок и света —

Иванова есть здесь Мессия
И есть галерея портретов.

В картинах избранников судеб
Свободы виднеются грезы,
И томно ждет нежных прелюдий
Левицкого женщина с розой.

Кровь в жилах воистину стынет
И сердце в груди замирает,
Как Грозный страдает о сыне,
Боярыня к вере взывает.

Не мчится здесь Тройка Перова,
А тянет повозку устало,
И Странника ждет где-то снова
Последний кабак у заставы.

Здесь Двойка опять у невежды
И взгляд Неизвестной давлует,
Но Радуга дарит надежды,
И словно Грачи прилетели.

Дано Третьяковке судьбою
Легендою стать поколений,
И мир преисполнен любовью
При виде бессмертных творений.

Сергей Сметанин
(г. Санкт-Петербург)

ОСМЫСЛИТЬ СУДЬБУ РОССИИ...

Сметанин Сергей Егорович, родился в 1952 г. в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне с. Октябрьское) Стерлитамакского р-на Башкирской АССР. Окончил музыкальную школу в г. Омске и факультет иностранных языков Башкирского государственного университета в г. Уфе. Тридцать лет прожил в г. Сургуте Тюменской области. Руководил литературным объединением «Северный огонек». Произведения печатались во многих альманахах и журналах. Автор девяти сборников стихов и одиннадцати книг.

У ПОРТРЕТА ЛЕОНИДА АДРИАНОВА

*Леонид Адрианов умер 2.10.2011
от сердечного приступа*

Вот он — поэт, такой же, как и я:
Прищур глазищ тяжел, как у ружья.
Такая же, как у меня, фуражка,
Такая же, как у меня, рубашка.
Судьба почти такая, как моя.

Есть у меня родные и друзья,
Товарищи, которым дорог я.
Все, как и я, немножечко рифмуют,
И к Музе понемножечку ревнуют —
Одна с кастальской влагой сулея*...

Да, мы пристрастны, что ни говори,
К ручья журчанью, сполохам зари,
Любви восторгу, торжеству открытий,
Но как же мир в итоге беззащитен!
Как хрупко то, что держит изнутри!

* Сулея — сосуд, бутылка.

ДАР ВЕТЕР ЖИВ!

Леониду Адрианову

Адрианов, Адрианов,
Адрианов Леонид!
У космических барханов
Имя гордое летит.

Жил ты в обществе нелепом,
Друг мой милый, дорогой,
Подчинялся грозным скрепам
Горней силы мировой.

Сколько было растаковских
Тут ловцов на идеал.
Всяких, тульских и московских
Ты за пояс затыкал.

Сколько было непоэтов!
Вон, пошли они в журбе
За «Вселенную сонетов»
Ставить «памятник» тебе...

Это их, как при Непрядве
Поднимался визг и вой.
Ты крушил их в «Тульской правде»,
Жучил в «Туле трудовой».

Не давал ты спуску дряни,
И не ставил на зеро,
Ненавидели мещане
Слишком вольное перо.

Мир, как прежде, прост и тварен,
Знай, играет на губе,
И как прежде благодарен
Ты за все своей судьбе.

Ты — Дар Ветер, плачет Нетти*
По космической любви.
Очарованные дети
Взяли дудочки свои,
И потопали, неловки,
К пролетариям всех стран:
От родимой Егнышевки
За Индийский океан.

Не успел подбить итоги,
Ан — взлетает твой «Восток».

* Дар Ветер, Нетти — имена из научно-фантастических произведений Леонида Адрианова.

Здесь писал ты «Монологи»*,
Здесь окончил монолог.

Больше мы с тебя не спросим
Дела зимнего уже.
Только осень, только осень
Навсегда в твоей душе.

Пусть, какой ты был, Дар Ветер,
Знают только соловьи,
Не закончились на свете
Рифмы звонкие твои!

От космических барханов
Имя снова прилетит:
Адрианов, Адрианов,
Адрианов Леонид!

Сайт, посвященный памяти поэта Леонида Адрианова здесь:
<http://www.leonidadrianov.narod.ru/>

* «Вселенная сонетов», «Егнышевская осень», «Монологи» — книги стихов Леонида Адрианова.

Валерий Мухин
(г. Псков)

Валерий Михайлович Мухин родился в 1942 году в селе Кесьма Тверской области. Окончил псковский индустриальный техникум, музучилище и псковское отделение СЗПИ. Преподавал в филиале СЗПИ, работал ведущим конструктором в институте ВНИИ электросварочного оборудования. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Север», «Встречи», «Московский Парнас», «Земное время», альманахе «День поэзии» и др. Вышло 16 стихотворных сборников и одна книга прозы «Русская песня». Художник,— открыто более 25 выставок картин по Пскову и области. Лауреат Областной премии по литературе. Награжден медалями Шукшина, Святой Ольги и за заслуги перед Псковом.

ЖЕМЧУЖИНА СЕВЕРА

Как мир, нерушимо и гордо,
Как правду, как русскую речь,
Нам надо любимый свой город
Как честь и как совесть беречь.

Хранить, как историю, свято
Жемчужину севера — Псков.
Беречь, как родимого брата,
Как память седую веков.

Он создан простыми руками,
Он душами предков согрет,
Его говорящие камни
Тепло излучают и свет.

Над городом образ Господень
Надежен и светел, и свят,
Мы шумной толпою проходим
Средь храмовых белых палат.

Проходим, и каждого бремя
Согрет нас с земного лица...
А он остается, как время,
Которому нету конца.

ДУША ПОЭТА

Над Соротью Михайловские рощи
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого проще,
Опального поэта скромный дом,

Где произнес его печальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
— «Поэзия, как ангел-утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой...»

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она — служенье Красоте!

Надежда Давыдова
(г. Тула)

Надежда Давыдова родилась в г. Донском Тульской области. Окончила Тульское железнодорожное училище. Стихи пишет с юности. Автор текстов более тридцати песен. Произведения публиковались в литературных альманахах «Из варяг в греки» (Великие Луки) и «Образ» (Москва). В 2021 г. вышел дебютный сборник «Мелодия слов».

ВИНИЛОВЫЙ ВЕЧЕР

Лазурь и лаванда, индиго —
Творенье безумного мага.
Под музыку Эдварда Грига
Грустит белоснежно бумага.

Ей грезятся пенные волны,
Стремительных скерцо проказы,
Полет ослепительных молний
И старый пират одноглазый.

Ей снятся долины и фьорды,
Бескрайнего неба свобода.
И душу тревожат аккорды
Суровой норвежской природы.

И кажется, будто прохлада
Коснулась небрежно листочка,
Как будто лоза винограда
Выводит старательно строчки.

Но тянется вечер лениво
Тягучего, жаркого лета,
Под шепот уютный винила
Стекая глотком Amaretto.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

За окнами уже темно.
На кухне свет, а в чашке чай.
Сижу, пишу тебе письмо:
Писать ведь легче по ночам.

О чем мечтаю, чем живу
И как прошел сегодня день.
Что снилось мне. Что наяву
В саду моем цветет сирень.

А впрочем, я, конечно, вру.
Панельный дом, шестой этаж.
Пытаясь прочь прогнать хандру,
Себе придумала пейзаж.

А сада нет. Стекло, бетон,
Асфальт и множество машин.
Сверкает радужно неон,
Луна — как спелый апельсин.

Усталый город крепко спит.
А чай давно уже остыл.
И сил моих иссяк лимит.
Закончу завтра. Все. Прости...

БЛЮЗ УСТАЛОЙ ДУШИ

Там, где вчера жила душа,
Где были райские сады,
Сегодня змеями кишат
Поля засохшей лебеды.

Там раньше пели соловьи
И круглый год была весна,
Но птички трели о любви
Сменили мрак и тишина.

Я обрастаю чешуей,
Седой и твердой, как гранит.
Кружится ворон надо мной,
Смеется хрипло и кричит.

И так летит за годом год,
А жизнь проходит стороной.
И надпись «Выход» вместо «Вход»
Уже горит над головой.

ПРИЗРАЧНЫЙ ПОЭТ

Последнее пристанище Поэта.
Напротив спит заснеженный собор.
Проходят годы, кружится планета,
И звезды на нее глядят в упор.

Ничто покоя спящих не тревожит.
Глядит на площадь призрачный Поэт.
И только припозднившийся прохожий
Замрет на миг, увидев силуэт.

Здесь все в снегу и все покоем дышит.
Трагедия — дела минувших дней.
Но зимней ночью вдруг опять напишет
Прощальные стихи свои Сергей.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Вокзал, чемоданы, гудок паровоза,
Тревожные лица, потерянный взгляд,
Открытые окна. Звучит Lactimosa,
А значит, никто не вернется назад.

Вокзал, чемоданы, узлы, суматоха,
Бегущие с родины толпы людей,
Кто верил в мечту до последнего вздоха,
Кто верил, что жизнь на чужбине светлей.

Вокзал, чемоданы... Осталось немного...
Там новая жизнь... Там чужая земля.
Отринуты родиной. Прокляты богом.
И новая жизнь как тугая петля.

Последний аккорд перед бурей эмоций:
Актеры с улыбкой выходят на бис.
Но в каждой душе он тоской отзовется —
Ведь каждый на сцене всего лишь статист.

Людмила Вечеркина
(г. Москва)

БЕЛАЯ СИНИЦА

Людмила Вечеркина родилась и живет в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Была главным редактором культурологического журнала «Марка». Стихи печатались в «Литературной газете», журналах и альманахах: «Юность», «Кольцо А», «Мир женщины», «Ключ», «Образ» и др. Автор шести поэтических книг и трех музыкальных альбомов. Лауреат международных и российских конкурсов, член Союза писателей Москвы.

БЕЛАЯ СИНИЦА

Зима взяла снежный плед,
звенели ледяные спицы.
И разливался чистый свет,
и пели белые синицы.

Глаза, уставшие от тьмы,
коснулись обновленной дали.
Забота матушки-зимы
оберегала от печали.

И так хотелось петь и жить,
морозную примерив снежность.
Надежд сияющая нить —
души открывшаяся нежность!

Мы восхищались каждый раз
холодным солнечным сияньем.
И белизна светилась в нас,
жизнь наполняя обаяньем.

Какой бы ни таился след,
снег снова выбелит страницу.
Зима-судьба довяжет плед
и в небо выпустит синицу...

* * *

Ушел поэт... Отпел и отлюбил...
Непонятый, непризнанный и бедный...

Устал бороться, выбился из сил...
Смерть по щекам мазнула краской бледной.

Чрезмерность боли заострила тень.
Разлом судьбы, как шрам, пролегал по строчке.
И этот день, последний страшный день,
от зимней стужи съезжился до точки...

Остались пожелтевшие листья,
исписанные нервною рукою.
Стихи — неразведенные мосты
над Летой, обмелевшею рекою...

Где нитью рифмы связаны слова,
в них голоса земные не смолкают.
И не растет забвения трава,
и жизнь, как кровь, из душ не вытекает.

Придуманный и очень странный свет
с добром и солнцем щедро перемешан.
О, Господи! К Тебе идет поэт,
что отстрадал и стал почти безгрешен...

ЗИМА

Придет зима на смену осени,
возьмет в помощницы метель.
И, стужей накрахмалив простыни,
предложит свежую постель.

В хрустальной чаше зелье снежное
без назиданья поднесет,
умело спрячет неизбежное
и утешение найдет.

И солнца каплями медовыми
попынь досады подсластит.
Посеребренными обновами
за все потери наградит.

На лед опасный ляжет вьюгою,
нашепчет откровенья в ночь.
И станет верною подругою,
чтоб подбодрить и превозмочь.

Вдохнув надежду акварельную,
горячего коснется лба.
Споет как в детстве колыбельную,
как пели мама и Судьба...

МЕРТВОЕ МОРЕ

Как мутное зеркало — жидкий кристалл.
Бескрайняя гладь — без бушующих волн.
Застывшее море средь высохших скал
и вечной печали просоленный склон.

Возникший на месте библейского зла
глубинный разлом с маслянистой водой...
Содом и Гоморра сгорели дотла:
под морем — два города с жуткой судьбой.

Ни птица, ни рыба не селятся тут:
пустыни изжога да терпкий бурьян.
И в небе витает беды неуют,
греховной расплаты смертельный изъян.

Здесь выжить нельзя, нелегко утонуть,
как будто воде не предписан закон...
Но к гиблому месту был вымощен Путь,
и к Мертвому морю спешат на поклон.

Так самое низкое вскинулось вверх!
Так самое мертвое стало живым!
Так самое мрачное слышало смех
и горечь спасенья дарило больным.

Как только отступит постылая боль,
нам с замыслом Божьим раскроется связь:
и будет целебной содомская соль,
и станет бесценной гоморрская грязь...

* * *

Как хорошо, что я еще жива,
что солнца луч сочится сквозь ресницы.
Как бусы, рифмой нижутся слова,
и хочется смеяться и молиться.

Коснуться лбом остывшего стекла,
по облакам разгадывая знаки...
И осень так нарядна и светла
в смешенье золотистого и хаки.

Предчувствие намеков и теней
проникнет в суть подобно ультразвуку,
где скоротечность неизбывных дней
осуждена на вечную разлуку...

Дай, Боже, сил попутчикам моим,
и непокоя, и преодоленья!
И за труды пошли удачу им,
чтоб верили в Твое благоволение!

Мы здесь пока, и время — не в расчет...
Октябрь ложится листьями под ноги
и, все маршруты зная наперед,
не отнимает радости дороги!

БАСНЯ О ЛЮБВИ

Кузнечик, юный и зеленый,
мечтой прекрасной окрыленный,
влюбился страстно и неловко
в красотку — божию коровку.

Пленила глянцевая спинка,
в горошек черный пелеринка,
незамутненный добрый взгляд
и стройных ножек — целый ряд.

Он улажал ее стихами
и ароматными цветами.
Поил кристальной росой,
знакомил с тетушкой Осою.

Пел серенады на листочке
и, наконец, дойдя до точки,
воскликнул: «Я тебя люблю!»
Она ж любила только... тлю.

* * *

Верни мне, Господи, любовь,
ведь без нее уже не выжить.
И песню из души не выжать,
не залатать просевший кров...
Верни мне, Господи, любовь!

Любви потеря — неспроста,
я ей несправедно служила:
и счастья золотую жилу
перемолола суета,
неумолима и пуста.

Любовь озвучивала век,
я эту истину постигла,
но жизни музыка затихла,
как будто провалилась в снег,
недальновиден человек...

И в небо я кричу: «Прости!
За своеволие и упрямство,
за чувств моих непостоянство
и незадачливость пути...
Дай снова радость обрести!»

Верни мне, Господи, любовь...

Владимир Королев
(г. Смоленск)

Наш постоянный автор.

МИХАИЛУ МОРОЗОВУ

Осень шагает неспешно,
Так расчищая простор,
Чтобы на мачтах скворечни
Зряче вели разговор.

Выстрел пастушечьей плети,
Щебет подросших скворчат —
Близкая память о лете.
...Смачно грибочки шкворчат!

* * *

Осень. Воздух — неоновый.
Осень. Щекотка мозгов.
Осень засеяна кленами.
Осень — грусть берегов...

* * *

Осень — странная птица:
То летит, то кружится,
То поет, то курлычет,
То хохочет, то хнычет...

Крылья — желтые с синим,
Глаз — шиповника бубка
...Улетает Россия
В зиму в выцветшей шубке.

* * *

Осень, вчера золотая,
Вдруг оказалось веревкой:
Время на локоть мотает
С жесткой занудной сноровкой,
И отмеряет все меньше
Страсти, зарплаты и строчек,

Дерзкого взгляда на женщин,
Но,
Оставляя кусочек надежды
На — прихождение снега,
На — обретенные одежды,
Сметанной
образом,
рифмой
и слогом,
Сшитую мной,
Но —
Скроенной — Богом.

ВАЛЕРИЮ ГРАЩЕНКОВУ

Скорость страсти бросает в объятья
Удивительно сильных рук,
Разрывает на клочья платья,
Крошит кости. Немеешь, как труп.

Скорость звука твоими словами
Сердце — лошадь бросает в карьер,
Чтоб скакать, чтобы бить копытами,
Подбирая любимый размер.

Скорость света —
всего лишь похожесть
На пронзительный взгляда луч.
В жизни ты — одинокий прохожий,
Капля, градинка — дочка туч.

Скорость таянья — скорость струйки,
Постигающей мир земли.
В ручеек не сморкайтесь, не плюйте,
Есть вода — будут плыть корабли!

Скорость зрения — суперскорость,
Душу душит душман новостей,
Керосина плескает в хвост,
Чтоб расплавиться в пекле страстей!

НЕЗНАКОМКЕ

У осени — расстрельная статья:
Зима ее поставит к стенке,
Но
Прежде, чем налажу лыжи я,
Лист клена мне
ударит по коленке,
Напомнив радость
августовских дней
И неба голубого днище.

...Я только раз
Взглянул за ушко ей,
А завиток узнаю —
Будь их тыщи!

* * *

Обелиски осень обнажает.
Наша память —
 последний плацдарм.
Сердце осенью замирает,
Чтоб весной,
 оттолкнувшись от ран
И рубцов на душе и на теле,
Трепыхнуло, как птица, крылом.
...Улетели года, улетели —
Не догнать нам тебя, окаем!

НИКОЛАЮ ЯКУБОВУ

Снег, желанен и ласков,
Падает вновь для меня,
Штрихи и коды пляской
Пишет грифелем дня.
Мой хрустящий морозец,
Мой летящий снежок,
Не грусти, небосводец,
Сердце — жизни движок —
Манит стуком надежды.
Дверь просторной зимы
Распахнем мы, как прежде,
Свяжем нити каймы
Стылого горизонта,
Зябнущих проводов,
Черного неба зонтик,
Дальний свет городов...

РОМАНС ЛЮБОВИ СЕРДЕЧНОЙ

Серьга полуночного рога
Зависла выше ноября —
Да так, что тусклая дорога
Застыла лентой серебра.
И стали лужи зеркалами,
И финкой желтою — рожок,
Но почему же в серой раме
Ночник ты так и не зажег?

Я так ждала свечи сигнала,
Но не увидела огня!
Ну, что же, что звезда упала,—

Не для меня! Не для меня!
Ты что, торшера испугался,
Боясь, что вспыхнет без любви?
В любви нет выверенных галсов,
Есть галс любви, есть галс любви!

Проложен он не по компАсу,
Но в лодке двое нас, гребцов,—
Давай прислушаемся к гласу
Вот этой гребли, до рубцов:
Рубцов на сердце — и на небе,
На лбу — и в уголочках глаз...
Гадаю я на гуще, хлебе —
И знаю, знаю: не погас.

ПАМЯТИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Время шагает бойко и споро —
Шестьдесят снегов! Но я проник
В даль и в память, в мураву и порох,
Тому свету влез за воротник!

Страхи века да миры иные —
Как жилось, скажи, душа моя!
Но всегда во мне была Россия,
Страсть и совесть, истина моя!

На ее просторах судьбы вѣщи,
Потому что так белы снега.
— Эй, писатель, собирай-ка вещи:
Рында бьет, отходят берега.

И теперь, когда в прощальной лодке
Подбиваю я годам итог,
Что останется в сухом остатке?
...Снег молчит...
Но знает,
 знает
 Бог!

Александр Малыгин

(с. Павлово, Всеволожский р-н, Ленинградская область)

БРАТЬЯ. ПОСЛЕСЛОВИЕ К РЕВОЛЮЦИИ

*(анти-парафраз на стих А. Дмитрук
«Никогда мы не будем братьями»)*

Годы прожиты, связи порваны.
Удалось ли нам стать свободными?
Тот загнал коня, тот ушел ни с чем —
Пронеслись года не на пользу всем.
Были снайперы и стреляли в нас —
Сплошь наемные — попадали в глаз,
Чтоб не видели мы людей в себе,
Чтоб забыли мы торжество в судьбе.
Чтоб, озлобившись, став незрячими,
Проливали мы кровь горячую.
Чтоб восстал народ в слепой ярости,
Меж родных воздвиг пушек заросли...
Не гордитесь коктейлем Молотова —
Ведь сожгли им невинных головы.
Палачей орда в злобе квакала,
А Россия с Одессой плакала...
Но когда-то мы вместе строили,
Рука об руку дом свой создали.
Сцементировали земли скромные.
Став великими. Став огромными.
На венце зарубите истину —
Тот сильнее, кто не единственный,
Кто всегда остается с братьями,
Вместе с Родиной. Вместе с Матерью.

Сергей Забавин
(г. Зеленоград, Москва)

Первая публикация в «Приокских зорях».

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

«Если б молодость знала, если б старость могла».
Эту мудрую фразу мы с юности знаем.
А проникнуться истинным смыслом, «до дна»
Себя в прошлом мы не утруждаем.

Но накатят года, и пробьет седина,
Начинаем серьезно осмысливать фразу.
И пугающей бездной ее глубина
Открывается нам потихоньку, не сразу.

Средний возраст промчался в заботах, трудах.
Дом, работа, семья, суета — время сжато.
Мы торопимся жить, растворяясь в делах,
Расточая бездумно Богом данное злато.

Когда жизнь отсчитает потом пятьдесят,
Мы подводим итог основного пути.
Как прожил, что успел, и что звезды сулят.
Смысл жизни пытаемся всеу найти.

После тщетных попыток приходит момент,
Когда вдруг озарение нас посетит.
Смысл меняется с возрастом — вот он ответ!
Как же трудно умом до такого дойти.

Смысл жизни — не тот глобальный вопрос,
Что терзает нам душу к исходу пути.
Для чего ж ты родился, учился и рос?
Вот вопросов вопрос. Где ответ нам найти?

В шестьдесят, когда ищешь душевный приют,
Этот главный вопрос будоражит наш ум.
Жизнь сложилась вполне, и внучата растут,
Но натружен твой мозг от навязчивых дум.

Ведь пословица та все срывается с уст,
Отсылая к фрагментам беспечного детства,
Где бесцельно растрчивал Божий ресурс
Ты в незнании полном целей житейства.

Ведь не встретился в детстве такой человек,
Чтобы смог объяснить, для чего мы живем.
Чтобы кожей усвоить на годы, на век
Ценность каждой минуты. Тогда мы пойдем,

Что со школьной скамьи надо время ценить,
Не транжирить его по пустякам.
Создавать свой трамплин, чтобы долго парить,
Прыгнув в жизнь высоко, навстречу мечтам.

И трамплин этот в будущем сможет помочь
Несмотря ни на что сбиться этим мечтам,
Беды, тяготы, трудности все превозмочь,
На крутых виражах смело «дать по газам».

И чем больше трамплин, тем выше полет,
Тем ясней с высоты открывается путь,
Предначертанный Богом, Он как пилот
Управляет судьбой твоей, милостив будь.

Верьте, в каждом из нас Божья искорка есть,
Прѣдназначение связано с ней.
В жизни много дорог, всех их не перечеть,
Но всего лишь одна всех прочих верней.

Счастлив тот, кто найдет и пораньше поймет
Наделен чем и в чем его жизни призванье
И со школьной поры упорно пойдет
По единственной тропке познания.

Понимание с детства, что жизнь — это дар,
И Господь это злато тебе подарил,
Даст ўскру раздуть в тот ослепительный жар,
Осветить и согреть окружающий мир.

И тогда совершится счастливый момент:
Твоя жизнь обретет сакральный окрас,
Ты исполнишь божественный эксперимент
Дирижера Вселенной, настанет твой час.

Очень трудно Прѣдназначенье найти.
На развилках дорог можно сбиться с пути.
Но когда шестьдесят, почти все позади,
Смысл, возможно, найдешь, жизнь свою прокрутив.

И пронзят те слова: «Если б молодость знала...»
Но трамплин твой не для таких виражей,

Чтоб в полете начать почти все сначала,
И дожить в соответствии с ролью своей.

И охватит досада, тоска и печаль.
Трудно будет признать, что растрчено время
Совсем не на то, и до слез будет жаль.
«Если б старость могла», но вздохнешь, она — бремя.

И развернется вдруг глубина этой мысли.
Приговором она прозвучит для тебя:
Нет, не будет второй итерации жизни...
Значит... все же попробуй начать все с нуля.

ДОКОЛЕ НАМ ТЕРПЕТЬ

Все в мире повторяется циклично.
Природа строго следует сему закону.
Нарушишь цикл — все будет по-другому,
Конец событий может быть трагичным.

Цикличность — это свойство всех процессов,
Происходящих на Земле и во Вселенной.
Она — основа этой жизни брэнной,
Незыблемая суть всего прогресса.

Но есть такие циклы, от которых
Россия терпит бедствие и горе,
Теряет русской крови море,
Деревни, города, родимые просторы.

Такими циклами я называю войны,
Что против нас всегда вела Европа,
Распространяя смерть со скоростью галопа
В бесовских оргиях кровавой бойни.

Сперва король поляков размечтался
Россию захватить и править ею.
С тех пор поляки только блеют,
Их голос в еврошуме затерялся.

Карл шведский тоже как-то попытался
Петра разбить и расчленить Россию.
Полтавским молотом забили кол осины
В его амбиции. Ни с чем остался.

Затем французский дерзкий коротышка
Решил, что может нас легко осилить.
Французы до Парижа ноги уносили.
Бесславно завершилась та интрижка.

А Турция веками в злобе билась,
Пыталась с нами силой потягаться.

Мы показали ей, как надо драться,
Империя османов развалилась.

Венцом всех этих мерзких устремлений
Была война четырнадцатого года.
В ней страшно много пало нашего народа.
Казалось, Русь спустилась на колени.

Казалось, пробил час, мир это видел,
И шакалье, кончину скорую предвидя,
Все разом рвали русского медведя,
Всю нашу русскость люто ненавидя.

Германцев выделю из этой Евросворы.
Амбиции всех стран пред ними меркнут.
Без них история Европы «блекнет».
За ними — реки крови, трупов горы.

Ледовое побоище надолго
Пыл рыцарей тевтонский охладило.
Но дух враждебный вышел из могилы,
Вселясь в ефрейтора, австрийского подонка.

И дьявол тот создал машину смерти.
Она катком по миру прокатилась.
Подмяв Европу, к нам устремилась
Сплясать блиц — крич на русской паперти.

Но бесов блиц бесславно провалился,
Упершись в нашу русскую твердыню.
Мы запечатали тевтонскую гордыню
Под крышку гроба. Бес удалился.

Борьба с фашизмом — это тяжкий крест,
Который на себе несла Россия.
Она сыграла с честью роль мессии,
Исполнив посланный ей божий перст.

Вражина на разгром был обречен.
Который раз мы доказали миру:
Кто в нашу грудь упрет свою рапиру,
Секирой русской будет рассечен.

Заказчиком всех маршей на восток
Всегда была британская когорта.
Поставив русских в ранг второго сорта,
Готовил фарш из нас английский кок...

Как цикл неумолим, как все знакомо:
Начало века вновь грозит войной,
И вновь смертельная угроза над страной,
Чреда событий впереди как аксиома.

Но враг теперь — американский монстр.
Он стал тараном сил бесовых.
Он, демон тьмы,— прислужник оных,
И список дел его кровавых пестр...

Забыв уроки прожитых веков,
Нас Запад вновь берет на пробу.
Теперь открыто, не скрывая злобу,
Готовит против нас боевиков.

И целью стал теперь весь русский мир.
В него нацелились все силы тьмы.
Нас ждет последнее сражение, и мы
Земле подарим долгожданный мир.

Я призываю вас всерьез понять:
Наш западный сосед не адекватен,
Его духовный мир развратен.
Его мечта — нас на кресте распять.

Из века в век враг всякий нас кошмарил.
И каждый раз был наголову бит,
И каждый раз — прощен, но иезуит
Своей мечты пока что не оставил.

